

ОШ МАМЛЕКЕТТИК УНИВЕРСИТЕТИНИН ЖАРЧЫСЫ

ВЕСТНИК ОШКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

BULLETIN OF OSH STATE UNIVERSITY

ISSN: 1694-7452 e-ISSN: 1694-8610

№3/2025, 75-100

ИСТОРИЯ

УДК: 902/904

DOI: [10.52754/16948610_2025_3_0_6](https://doi.org/10.52754/16948610_2025_3_0_6)

**ДРЕВНЕФЕРГАНСКОЕ ГОСУДАРСТВО (ДАВАНЬ): СОЦИАЛЬНО-
ЭКОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (по результатам археологических исследований)**

**БАЙЫРКЫ ФЕРГАНА МАМЛЕКЕТИ (ДАВАН): СОЦИО-ЭКОНОМИКАЛЫК АСПЕКТ
(археологиялык изилдөөлөрдүн жыйынтыгы боюнча)**

**ANCIENT FERGANA STATE (DAVAN): SOCIAL AND ECONOMIC ASPECT (based on the
results of archaeological research)**

Абдуллаев Бахтиёр Манопович

Абдуллаев Бахтиёр Манопович

Abdullaev Bakhtiyor Manopovich

к.и.н., с.н.с., Самаркандский институт археологии РУз

т.и.к., ага илимий кызматкер, ӨРнин Самарканд археология институту

Candidate of historical sciences, Senior Researcher, Samarkand Institute of Archaeology of Uzbekistan Republic

abdbahtiyor@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3373-9982

ДРЕВНЕФЕРГАНСКОЕ ГОСУДАРСТВО (ДАВАНЬ): СОЦИАЛЬНО-ЭКОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (по результатам археологических исследований)

Аннотация

В данной научной работе представлены процессы урбанизации региона и развитие различных отраслей ремесел, основанные на результатах новых полевых исследований и критического анализа выводов предшествовавших археологических исследований по выявлению некоторых характерных этапов развития античного периода происходивших под влиянием последовательной внутренней политики, проводимой первым централизованным государством долины. На разных этапах античного периода, выявленных на новых памятниках древних оседлых и кочевых культур, расположенных в Кургантепинском районе и на территории города Ханабад Андижанской области. В течении последних 10 лет были приобретены образцы материальной культуры, представляющие собой основные факторы урбанизации региона и высокого развития ремесел. По принципу сравнительного анализа полученных археологических артефактов с подобными образцами материальной культуры из других памятников долины и соседних историко-культурных регионов.

Ключевые слова: Ферганская долина, античность, кочевая и оседлая культуры, государство и внутренняя политика, урбанизация и ремесло

**БАЙЫРКЫ ФЕРГАНА МАМЛЕКЕТИ (ДАВАН):
СОЦИО-ЭКОНОМИКАЛЫК АСПЕКТ
(археологиялык изилдөөлөрдүн жыйынтыгы
боюнча)**

**ANCIENT FERGANA STATE (DAVAN): SOCIAL
AND ECONOMIC ASPECT (based on the results of
archaeological research)**

Аннотация

Бул илимий эмгекте аймактык урбанизация процесстери жана түрдүү кол өнөрчүлүк тармактарынын өнүгүүсү чагылдырылган. Ал жаңы талаа иштеринин натыйжаларына жана буга чейинки археологиялык табылгаларга критикалык талдоо жүргүзүүгө таянып, өрөөндүн биринчи борборлоштурулган мамлекети жүргүзгөн ырааттуу ички саясаттын таасири астында классикалык мезгилдеги өнүгүүнүн айрым мүнөздүү этаптарын аныктоого багытталган. Андижан облусунун Кургантепе районунда жана Ханабад шаарында жайгашкан байыркы отурукташкан жана көчмөн маданиятын чагылдырган жаңы жайларда классикалык мезгилдин ар кандай этаптары аныкталган. Акыркы 10 жылдын ичинде аймактын урбанизациясынын жана кол өнөрчүлүктүн жогорку деңгээлде өнүгүүсүнүн негизги факторлору болгон материалдык маданияттын үлгүлөрү алынды. Алынган археологиялык экспонаттар өрөөндүн башка жерлеринен жана коңшу тарыхый-маданий аймактардан алынган окшош материалдык маданият үлгүлөрү менен салыштырылган.

Abstract

This scientific work explores the urbanization processes and craft development in the region. It combines new field studies with a critical analysis of previous archaeological findings to some characteristic stages of development of the ancient period. These stages emerged under the influence of a consistent domestic policy implemented by the first centralized state in the valley. The research focuses on different phases of the ancient period, revealed through new discoveries at ancient settlements and nomadic sites in the Kurgantepa region and the city of Khanabad in the Andijan region. Over the past decade, significant samples of material culture have been collected, highlighting the key factors in the region's urbanization and the advanced state of crafts. The analysis is conducted using the comparative method, comparing the newly acquired artifacts with similar items from other sites in the valley and neighboring regions. This approach provides a comprehensive understanding of the region's historical and cultural development.

Ачык сөздөр: Фергана өрөөнү, антикалык мезгил, көчмөн жана отурукташкан маданият, мамлекеттик жана ички саясат, урбанизация жана кол өнөрчүлүк

Keywords: Fergana Valley, antiquity, nomadic and sedentary cultures, state and domestic policy, urbanization and crafts

Введение

Античный период Ферганской долины характеризуется интенсивным развитием земледельческой культуры и всех сфер ремесла, а также быстрыми темпами процессов урбанизации. Последнее, еще с середины прошлого века, было известно широкому научному сообществу, на основании выводов ряда ученых, полученных посредством анализа результатов многочисленных археологических исследований и письменных источников (Оболдуева, 1951, с. 30; Заднепровский, 1960, с. 19; Латынин, 1961, с. 49-55; Горбунова, 1983, с. 23-46; Абдулгазиева, 2005, с. 4-8; Абдуллаев, 2007, с. 13-17; Матбабаев, Абдуллаев, 2011, с. 13). Основная часть территорий региона изучаемого периода была включена в состав древней государственности Фергана (Давань), а некоторые владения находились под ее непосредственным влиянием на протяжении более восьми веков. Известно, что, во все времена, развитие урбанизации и ремесел были напрямую связаны не просто наличием централизованного государства, а с характером и направленностью ее внутренней политики. В античный период под руководством сильного централизованного государства градостроительство достигло высокого развития, следствием чего явились большие успехи во многих областях ремесла.

В основе данного развития находилось создание рукотворных ирригационных сооружений, позволивших подчинить своей воле бассейны крупных рек и сезонных речек при помощи специальных плотин, что давала возможность последовательно освоить практически всю территорию долины, получая при этом большой урожай от земледелия. Последнее связано с естественной потребностью человека, как биологического индивида, в водных ресурсах, обозначенного еще на заре формирования человеческого общества. В этом плане, внутренняя созидательная политика раннего централизованного государства Ферганы, представленная сооружением, наряду с небольшими каналами, очень трудоемких по своему масштабу и хронологической продолжительностью, рукотворных каналов-саев. Данное позволяет утверждать, что эта политика являлась революционной и своеобразным вызовом природе, так как была направлена на освоение новых целинных земель в восточной и юго-западных засушливых частях региона, где протоки полноводной реки Карадарья не могли пробиться сквозь радиально (с севера на юг) расположенных адырных рядов. Такие уголья орошались ранее лишь в период функционирования небольших сезонных речек и, незначительных по объему, но многочисленных родников, не позволявшие регулярно заниматься земледелием, являвшегося основным критерием древнего развития, как такового.

Известно, что освоение целинных земель, в истории человечества, осуществлялись с эпохи бронзы, но характерными они являлись для древних империй Древнего Востока и Индии (Frankfort, 2016, p. 472). Однако, для Ферганы подобные процессы активно набирают обороты в периоды формирования и развития раннего централизованного государства, проявившего инновационный подход в проведение созидательной внутренней политики, направленной на освоение целинных земель, посредством проведения искусственных оросительных систем. Необходимо отметить, что элементы подобного освоения земель формировалось с одной стороны, хотя и в незначительных масштабах, еще в до государственной (эпоха чувской культуры) период, а с другой – идея более масштабного охвата создания крупных ирригационных сооружений, вероятно, параллельно была привнесена посредством тесных связей ранних династий древнеферганского государства (Давань) с соседними историко-культурными регионами. Этапы крупномасштабного

развития данного процесса хронологически охватывали почти весь античный период – IV в. до н.э. – IV в. н.э.

Ниже будут приведены основные моменты положительного влияния данной политики, давший мощный и последовательный импульс развитию земледелию, градостроительству, различным сферам ремесла, внутренней и внешней торговли, а также совершенствованию административного управленческого аппарата государства на местах.

Методы исследования и источники

В данной статье используется метод междисциплинарного подхода, который развивается в русле тенденций развития современной науки. Наряду с этим привлечены методы типологического анализа, сопоставления и обобщения. Для реализации поставленных задач использованы результаты научных трудов предшествовавших исследователей, а также новых археологических раскопок, проведенных автором статьи.

Обсуждение и результаты исследования

Урбанизационные процессы в регионе. На первом этапе античного периода отмечен бурный рост городского развития в виде оборонительных сооружений – возникновение различных укрепленных поселений, замков и крепостей, вокруг которых в последствие формировались города. По результатам наших исследований, строительство подобных военизированных административных объектов для служилых людей государства, представленные дружинниками правителей микрооазисов, было напрямую связано с процессами крупномасштабного строительства таких каналов, как Шахрихансай (120 км) и Андижансай (60 км).

Археологические раскопки 2014-2019 годов на памятнике Коштепа-2 в Андижанской области позволяют утверждать, что перед началом строительства указанных огромных искусственных водных сооружений, через каждые 2-3 км по обеим берегам этих каналов изначально были построены укрепленные поселения для служилых людей. Поскольку планируемое строительство представлял собой экономически и технологически очень сложным объектом, где требовался постоянный государственный надзор. Приведенные укрепленные поселения, первоначально, служили для обеспечения правильного распределения трудовых ресурсов и контроля поставок необходимых материальных ресурсов, оборудования и продуктов питания строителям. Однако после завершения начальных этапов строительства этих двух огромных каналов Шахрихансай и Андижансай, на месте ранее образовавшихся укрепленных поселений, последовательно возводились замки (Абдуллаев, 2016, с. 14). Данное обстоятельство показывает, что в обязанности местных представителей власти, кроме надзора над распределением воды для местного населения в отведенных пунктах, находящихся под их влиянием, также входили такие задачи, как сбор налогов с земледельцев в пользу государства и контроль за переправами через существующие броды саев. При исследовании бассейна древнего канала Андижансай, были выявлены такие сохранившиеся памятники-замки, как Коштепа-2, Озодтепа, Буриликтепа (Намазгах), а также другие – разрушенные к настоящему времени тепа-холмы.

Одним из наиболее исследованных памятников является поселение с замком Коштепа-2, период формирования которого относится к сер. I тыс. до н.э. и непрерывно развивавшийся до начала VIII н.э. После арабского завоевания Ферганы данный замок с посадом ремесленников находились в упадке на протяжении нескольких столетий. Однако, с приходом на историческую сцену относительно централизованного Караханидского государства (X-XII вв.) ряд поселений региона, разрушенных при арабах, были восстановлены и продолжили довольно быстрое развитие, вплоть до монгольского нашествия в начале XIII в. (Абдуллаев, 2016, с. 13-22). Это очевидный и естественный процесс, так как восстановление и развитие сельского хозяйства во все времена считался одной из первоочередных задач перед дальновидными правителями любого государства.

Вышеприведенные сведения позволяют заключить, что первый и довольно длительный период (сер. I тыс. до н.э. – нач. VIII в. н.э.) функционирования Коштепа-2, даже с учетом некоторых этапов кратковременного упадка хозяйственной жизни, из-за разновременных миграций кочевых племен (юэчжей, кидариты, хиониты и др.), характеризуется относительным, но последовательным развитием социально-экономической жизни. Более того, в периоды мощного развития земледелия и ремесла, стимулировавшийся созидательной внутренней политикой древнеферганского государства (Давань), некоторые поселения, расположенные в бассейнах крупных рукотворных каналов (Шахрихансай и Андижансай) и пересекавшихся с трассами Великого шелкового пути, в силу экономического потенциала, некоторые поселения получали возможность расширить свою площадь, нередко превращаясь в города. Одним из примеров этому может послужить городище Кургантепа, возникший и развивавшийся с III в. до н.э. до IX в. н.э. (Абдулгазиева, 1986, с. 62, 66-68). Памятник располагался в 2 км севернее от Андижансая и 10 км западнее от замка Коштепа-2.

Большинство малых и средних городов, построенных в античный период, имели площадь 3-15 га (Карадарья, Касан, Арктепа, Билувуртепа, Сарыкурбан, Сартепа, Кайнават, Каламыштепа, Лумбиттепа, Чильхуджра и др.). Отметим, что в этот период существовали и большие города площадью 20 га (Ооз-дебе) и крупные города площадью 70, 200 га и более (Мингтепа, Шурабашат, Эйлатан, Ахсикет и др.). Обычно малые и средние города включали под свой протекторат ряд сел, образуя небольшие районы с орошаемым земледелием, и считались центрами отдельных микрооазисов, расположенных на расстоянии 20-30 км друг от друга. Крупные городища являлись центрами оазисов и обычно возводились на господствующих возвышениях речных мысов, контролировавших выходы из оазисов. Они имели естественную защиту с одной, двух или трех сторон, а на остальных направлениях создавались искусственные – рвы (Абдуллаев, 2007, с. 19; Матбабаев, Абдуллаев, 2011, с. 105).

По данным археологических исследований, города этого периода в большинстве случаев состояли из двух частей (цитадели и шахристана, внутренних и внешних городов), как показано в китайских летописях (Бичурин, 1950, с. 151), и имели, как и другие города Центральной Азии, прямоугольную, а в некоторых случаях и параллелепипедную (Эйлатан, Мингтепа) формы, оснащенные основными элементами оборонительной системы (ров, мост, пандусный подъем, оборонительные стены, усиленные высокими башнями в качестве фланговой защиты и воротами). Сооружение оборонительных стен городов планировались совместно с башнями (обычно они выступали на несколько метров за общую линию

оборонительных стен и были выше их), изредка оборонительные стены имели встроенную галерею лучников и зачастую защита велась с верху – открытых коридоров (валганг) поверху монолитных стен и башен.

По мнению некоторых исследователей, под влиянием греческих завоевателей на оборонительных стенах почти всех урбанизированных сооружений (замков, крепостей, цитаделей и городов) в Центральной Азии сформировались и получили развитие галереи лучников, оснащенные разными видами бойниц (Туребеков, 1981, с. 18-19). В тоже время, толстые (5-15 м) монолитные оборонительные стены считались естественным техническим приемом строительства оборонительных сооружений в Ферганской долине и Центральной Азии еще с эпохи бронзы (Воронина, 1959, с. 94; Воронина, 1963, с. 45, 51; Абдуллаев, 2007, с. 18-19; Матбабаев, Абдуллаев, 2011, с. 98-99). В оборонительной системе Ферганы стрелковые галереи применяются частично и то, лишь с конца первого этапа античного периода (Аралтепа, Куюктепа, Сарыкуртан, Билувуртепа, Тудаи Калон, Мингтепа), а, в основном, оборона урбанизированных объектов ведется с верхней открытой площадки монолитных стен – валгангов. Например, в нижнем строительном горизонте городских развалин Сарттепа (Андижанская обл.), хотя он и был полностью забутован в более поздних этапах, отмечено, что оборонительные стены изначально были оборудованы внутрестенным коридором лучников. Такие стены были построены поверх величественного стилобата высотой 4 м, толщиной 6 м, с крутизной внешнего скоса, выступавшей за линию оборонительных стен на 3-5 м. Одним из примеров подобной оборонительной конструкции являются сооружения раннего этапа функционирования городища Кургантепа (Абдулгазиева, 1978, с. 149; Абдулгазиева, 1986, с. 60-61).

В основном такие мощные платформы со скосом внешнего фасада были направлены на исключение возможности захватчиков спрятаться под стеной и ведения защитниками подошвенного обстрела неприятеля, а также нивелировать работы стенобитной техники (Левина, 1949, с. 137; Пугаченкова, 1952, с. 219; Пугаченкова, 1958, с. 36). Однако наружная стена крытого коридора лучников, возведенная на столь величественном основании, имела обычно толщину в 1,2 м, а внутренних – 40-80 см, при ширине собственно коридора в пределах 1,2 м. Последняя ситуация зафиксирована во многих укрепленных поселениях (Рахманов и др., 2018, с. 227-228), также наблюдавшийся при исследовании различных замков. Подобная система обороны имела распространение почти во всех типах оборонительных сооружений (укрепленные поселения, замки, крепости, города) также на территории таких древних историко-культурных регионах, как Бактрия, Согд и Хорезм (Туребеков, 1981, с. 14-15; Ходжаниязов, 1981, с. 50-51).

Хотя, в силу ряда объективных причин, внутреннее устройство городов Ферганской долины периода ранней античности (Касан, Кургантепа, Кайнават, Ооз-дебе и др.) изучено недостаточно, тем не менее, их можно обобщить тем, что они имели, зачастую, прямоугольную форму и снабжались необходимыми для своего времени элементами оборонительной системы.

Несомненно, каждое архитектурное сооружение данной эпохи, исходя из собственных задач, в зависимости от своего места в системе обороны, образовывала свою внутреннюю инфраструктуру. В связи с этим, следует более подробно остановиться на результатах некоторых более широко исследованных памятников. В частности, в структуре памятника

Кургантепа зафиксированы дома, кварталы и, соединяющие их, улицы, составляющие внутреннюю инфраструктуру древнего города. Также присутствовала центральная улица-«проспект», идущая с севера на юг, разделяя город на две части, и подходивший к воротам на юго-востоке. Цитадель, расположенная по середине южной оборонительной стены городища, имела также прямоугольную форму и возвышалась на высоком основании (стилобате), возведенная по определенному плану вместе с оборонительными стенами, оборудованными внутренним стрелковыми коридорами и башнями, защищавшими фланги. За пределами города располагался ряд отдельных домов и построек, а также сооружений, построенных для проведения религиозных церемоний (Абдулгазиева, 1986, с. 60-62). Наличие в городах, изучаемого периода, центральных улиц-«проспектов», соединенных с воротами, связано с необходимостью быстро впускать и выпускать вьючный скот и людей. От оперативности последнего, нередко, решался вопрос обороноспособности городов (Барбаро, 1938, с. 390). Возможно, по этой причине в большинстве изученных городов данного периода выявлялись центральные улицы.

Согласно китайским летописям, в составе Древнего Ферганского государства (Давань) числился 70 больших и малых городов (Бичурин, 1950, с. 149; Кунер, 1961, с. 104). Хотя, опираясь на научные труды и выводы этих исследователей, ряд российских и местных археологов утверждали, что столицей Ферганского государства является город Эрши – памятник Мингтепа в современном Мархаматском районе Андижанской области (Бернштам, 1948, с. 155-161; Бернштам, 1952, с. 28; Заднепровский, 1960, с. 17-20; Заднепровский, Матбабаев, 1991, с. 62-72; Анарбаев, 2016, с. 36-41; Матбобоев, 2012, с. 11-16; 162. 13-17). Однако исследователь, много лет изучавший и переводивший китайские летописи, заявлял, что столицей Ферганского государства был не «Эрши», а город «Юань» или «Вань». Более расширенный анализ этого вопроса представлен в наших отдельных статьях (Абдуллаев, 2020, с. 93-94). Необходимо отметить, что все памятники, выдвинутые их исследователями как столичный город, пока еще, не могут ответить на основные критерии, подразумевающие наличие археологических артефактов китайских военных, осаждавших столичный город «Юань» на рубеже II-I вв. до н.э. В настоящее время трудно дать однозначный вывод, но полевые исследования в этом направлении продолжаются.

Фергановеды отмечают, что в период ранней античности в урбанизации региона существовало пять типов сельских поселений, свидетельствующие об уровне функциональной стратификации населенных пунктов того периода. Самые крупные из них занимали площадь 1-3 га, обнесенные оборонительными стенами, где резиденция местного правителя – цитадель обычно занимала $\frac{1}{4}$ часть площади поселения. Такие сильно укрепленные поселения являлись центрами отдельных земледельческих микрооазисов, и когда возрастала военная опасность, за их стенами спасались жители окрестных деревень (Горбунова, 1977, с. 112-113).

Следует отметить, что древние поселения Ферганской долины мало изучены в связи с тем, что они перекрыты культурными напластованиями поздних периодов. В большинстве случаев площадь сельских поселений составляла 0,01-0,05 га (Абдулгазиева, 2004, с. 37). По мнению исследователей, размещение мелких поселений подчинялось определенной закономерности, и большая часть их группировок фиксировалась вокруг водных источников и вблизи крупных укрепленных поселений, замков или городов (Козенкова, 1959, с. 59; Горбунова, 1977, с. 108).

Столь густонаселенные ирригационно-хозяйственные районы в бассейнах рек и древних каналов находились непосредственно под контролем государственных представителей на местах, определяемыми богатейшими аристократами – дехканами, в расположении которых находились замки или укрепленные поселения со служивыми людьми. Как правило, такие ирригационно-хозяйственные районы имели естественную защиту в виде природного рельефа – холмов и разветвленными системами ручьев-арыков. При этом тот факт, что торговые пути, проходящие через эти системы обороны, были защищены посредством дополнительных оборонительных сооружений – фортов, один из которых отмечен нашей археологической группой в полевых исследованиях, проведенных в 2024 году в Султанабадском массиве Кургантепинского района Андижанской области.

В настоящее время в массиве Султанабад насчитывается около десятка памятников, однако, с учетом разрушения многих древних поселений, в связи с развитием современной демографии, нетрудно представить, что в древности их было в несколько раз больше. Эта территория окружена такими естественными преградами, как Андижансай (2 км) на севере и Шахрихансай (1,7 км) – на юге, крепостью Шаштепа1 на востоке, расположенной над верхними распределительными узлами указанных оросительных систем, а также системой холмов – радиальными (с севера на юг) грядами адыров Нарбута на западе. Все это позволяет заключить, что древние люди в различных микрооазисах долины стремились обезопасить себя природными и искусственными барьерами.

Археологические исследования вышеприведенного микрооазиса (массив Султанабад) позволяют утверждать, что его западными воротами служила крепость Султансупа, открытый и изученный на юге системы адыров Нарбута. В результате было выявлено, что его основание представляло собой возвышенность – естественный холм. Первоначальные выводы по итогам наших раскопок позволяют заключить, что данная крепость сооружалась посредством обрезки холма-адыра с четырех сторон, которые были обстроены подпирющими монолитными стенами, толщиной 5 м у основания и 2 м сверху, из пахсовых блоков (по низу) и сырцовых кирпичей (по верху). Вследствие был создан стилобат, площадью 70x70 м и углами, обращенными по странам света, высотой 12-15 м, с наклонными наружу стенами. Поверх этого мощного основания были построены вертикальные внешние оборонительные стены толщиной до 2 м и связанные с ними внутренние помещения замка (толщина стен 60-80 см).

В целом, данное сооружение представляло собой стандартную конструкцию с прочным цокольно-стилобатным основанием высотой около 15 м, на котором подняты вертикальные стены комплекса внутренних помещений. Подобные форты были характерными не только для Ферганы (Давидович, 1954, с. 77; Горбунова, 1983, с. 26, 28; Шигин, 1984, с. 194-195; Абдуллаев, 2006, с. 11), но и других историко-культурных регионов Центральной Азии античного и раннесредневекового периодов (Воронина, 1950, с. 195; Альбаум, 1960, с. 114-122; Нильсен, 1966, с. 216; Шишкина, 1983, с. 100). Необходимо отметить, что все приведенные примеры крепостного зодчества относятся, в основном, к раннесредневековому периоду, а формирование крепости Султансупа – к позднему этапу (II-IV вв.) античности. Однако архитектурные конструкции на поверхности крепости

¹ В настоящее время этот памятник разрушен при строительстве Кампырраватской плотины, построенной в 30-е годы прошлого столетия (Береналиев, 1975, с. 153).

Султансупа сохранились лишь для двух строительных горизонтов и частично для третьего, в виде заполнений помещений второго строительного горизонта, с общей толщиной культурных напластований всего 2-2,5 метра. Тем не менее, можно представить, что это оборонительное сооружение имело в древние времена весьма впечатляющие масштабы.

Вход в крепость располагался у подножия его западной оборонительной стене и представлен сводчатым туннелем-коридором с пандусным подъемом, ведущим на жилую верхнюю часть сооружения. В процессе раскопок, данный туннель-коридор был лишь частично обнаружен в сохранившейся восточной части крепости, но, основываясь на сведения местного населения, о выявлении подобных туннелей под землей, в разрушенной западной части памятника, а также на исторические и археологические источники, можно утверждать, что подобные туннели создавались для подъема на верхнюю часть сооружения. В этом плане, ярким примером для данной рабочей гипотезы является результаты исследований крепости Калаи-боло VII-XII вв. в Исфаринском районе соседнего Таджикистана в западной части Ферганской долины (Давидович, 1958, с. 80-82, рис. 7-8), где также на вершину столь величественного и высокого оборонительного сооружения, были построены сводчатые пандусные подъемы. Отличие пандусного подъема в крепости Калаи-боло от пандуса в Султансупа состояло в том, что он изначально был спланирован как часть стилобата-платформы и оборонительных стен. Поэтому пандусные подъемы, как и все сооружение были построены из сырцового кирпича. В то время, как сводчатые пандусные подъемы Султансупа были вырублены в теле адырного основания крепости.

Подобные конструктивные решения имели место при возведении таких крепостей, как Сарыкурбан в бассейне р. Сох, Шаштепа у изголовья выхода Шахрихансая и Андижансая (Латынин, 1956, с. 19), Караултепа на Кувае (Горбунова, 1979а, с. 25), выполнявшие контроль и защиту оросительных систем данных микрооазисов. В тоже время, сооружение таких конструкций пандусных подъемов, функционально, оправдывалась и при возведении цитаделей городищ. Например, в процессе исследования цитадели Мингтепа (Мархамат), в разрезе платформы-стилобата, толщиной 5 м, в ее теле выявлен сводчатый проем с пролетом 2,1 м, указывающий на наличие входной системы с пандусным подъемом (Заднепровский, Матбабаев, 1991, с. 69, 71).

Вышеприведенные сведения позволяют заключить, что архитектурные решения, использованные при возведении крепости Султансупа, представляют уровень опыта у зодчих в период древнеферганского государства, не только заимствованного из богатой традиций градостроительства предшествовавших культур региона, но и вносящих смелые инновационные элементы в возведении монументальных и величественных сооружений. Одним из наиболее ярких примеров новшества является использование природного холма-адыра в качестве основы для возведения, в целом возвышавшего на более 30 м над окружающей местностью. Данный проект имел огромные экономические дивиденды, так как при строительстве были сэкономлены большие средства и материальные ресурсы, поскольку трудозатраты на возведение стилобата-платформы, площадью 70х70 м и достигавшей более 12 м в высоту, исчислялись не только громадными финансовыми издержками, но и расходом большего времени. Несомненно, что возведение жилой и служебной инфраструктуры на поверхности такого гигантского цоколя требовало больших усилий, однако все это окупалось сторицей в периоды не только защиты микрооазиса от потенциальных захватчиков, но и тем,

что всего лишь вид величественного сооружения мог положительно влиять на патриотический дух защитников и населения в целом.

Число поселений, возведенные в процессе экономического развития во втором этапе (I-IV вв. до н. э.) античного периода, увеличилось в три раза по сравнению с предыдущим периодом, а их число, зафиксированное только в Андижанской области, достигло 247. Однако можно сказать, что основой такого развития стали реформы, проведенные правителями древнеферганского государства по расширению сельского хозяйства и, в частности, строительством крупных ирригационных сооружений – Шахрихансай, Андижансай, а также десятков других небольших каналов.

Вышеупомянутые факты постепенного и последовательного экономического развития Ферганы были подтверждены результатами полевых исследований автора, полученных в 2014-2019 годах (Абдуллаев, 2018, с. 15). В результате раскопок, было выявлено, что памятник Коштепа-2 построен, в виде укрепленного поселения, еще в начале строительства древнего ирригационного сооружения Андижансай. Следовательно, необходимо было построить целый ряд таких поселений на берегах этого предполагаемого канала, протяженностью более 60 км. При обследовании берегов Андижанская было установлено, что по обоим берегам водного сооружения на расстоянии 2-3 (иногда 1,5-2) км имеются памятники разного размера (Озодтепа, Намазгах/Буриликтепа и др.). Несомненно, что все эти поселения предназначались для распределения и контроля за трудовыми ресурсами и обеспечение бесперебойного ведения строительных работ. Однако, после завершения сооружения первых этапов канала, эти пункты государственного надзора не только получили новые и более сложные функциональные задачи, но и были возвышены в статусе, для чего на месте укрепленного поселения были перестроены в замки, иногда с ремесленным посадом, как это представлено памятником Коштепа-2 (Абдуллаев, 2016, с. 13-22).

Известно, что с древнейших времен существование естественных водоемов было важнейшей среди ряда объективных стимулов для формирования и развития первобытных сообществ, указывавший на естественную и тесную связь человека с водными источниками. В сер. I тыс. до н.э. строительство таких беспрецедентных сооружений своего времени, как Шахрихансай и Андижансай, направляемый ранним централизованным государством Древней Ферганы (Давань), привело к определенным, своего рода, революционным экономическим изменениям. В результате не только были расширены площади орошаемого земледелия и получены дополнительные урожаи, но и усилен всплеск урбанизационного развития – вокруг государственных замков, вновь построенных или перестроенных вдоль этих крупных водных сооружений, в I-IV вв. стали образовываться многочисленные поселения, а на новых трассах Великого шелкового пути, пересекавших данные новые микрооазисы, нередко формировались города разной величины и статуса. Однако, по мнению ряда исследователей, процесс формирования поселений происходил не только на берегах крупных рек и рукотворных каналов, но и в бассейнах различных сезонных горных ручьев (Бернштам, 1952, с. 221-222; Горбунова, 1979а, с. 27; 57. 114).

Таким образом, государственные вложения на строительство широкомасштабных ирригационных сооружений на первом этапе античного периода окупались сторицей – расширением площадей орошаемого земледелия, широким распространением укрепленных поселений в деревнях, образованием крупных городских центров, совершенствовавшие

древнюю инфраструктуру и государственный контроль на местах, а также увеличением налоговых поступлений в казну. Только в Андижанской области к настоящему времени зафиксировано 14 городов, относящихся к периоду античности, где городище Мингтепа являлся самым крупным из них. По результатам радиоуглеродного анализа, проведенного Узбекско-Китайской археологической экспедицией, возраст этого города составляет чуть более 2000 лет. Однако из нижних культурных слоев под оборонительными стенами были найдены фрагменты лепной расписной керамики, принадлежащих шурабашатской (V/IV-I вв. до н. э.) культуре (Матбабаев и др., 2016, с. 193-194). Последнее позволяет заключить, что город был построен на основе или поверх древнего поселения.

Во втором этапе (I-IV вв. н.э.) античности количество крепостей и замков в долине резко увеличилось, что свидетельствовало об усилении процесса социального расслоения в обществе, а также формировании новых социально-экономических отношений. Тем не менее, согласно результатам исследований, значение внутренней и международной торговли усиливается, наряду с развитием сельского хозяйства и животноводства.

Согласно результатам археологических исследований и письменных источников, в последних веках античности во всех сферах жизни жителей не только Ферганской долины, но и Центральной Азии в целом, начались процессы упадка, связанные с новыми волнами миграции кочевых племен хионитов и эфталитов. В следствии этих событий были заброшены и/или приостановлены значительное число объектов водоснабжения, проводившихся посредством искусственного управления задержкой и распределением орошаемых вод, входивших в систему различных ирригационных сооружений. Последнее привело к нарушению нормального функционирования земледелия и разорения собственно населенных пунктов, расположенных в данной системе искусственного орошения. Например, в этот период прекратили свое существование такие хорошо изученные памятники в Андижанской области, как городище Каламыштепа, а также, являющийся центром гончарного дела, поселение Камолтепа и небольшие селения вокруг него (Горбунова, Оболдуева, 2002, с. 170-171; Абдулгазиева, 1995, с. 45-46).

Данный упадок охватил весь регион, и жизнь во многие цветущих поселениях и городах (Мингтепа, Кургантепа, Сартепа, Йиглокытепа и др.) было прекращено (Оболдуева, 1951, с. 40; Горбунова, 1977, с. 116). Подобные исторические процессы происходили и в других историко-культурных регионах Центральной Азии – разрушались оросительные системы, сокращались посевные площади, отмечался резкий упадок ремесла, затухала жизнь в крупных городах и поселениях (Мандельштам, 1964, с. 27; Толстов, 1962, с. 248; Шишкин, 1963, с. 230).

Таким образом, данный раздел позволяет выделить следующие выводы: 1. В древности ряд открытий, направленных на развитие сельского хозяйства и их связь с определенными изобретениями, послужили основными факторами быстрого развития процессов урбанизации. 2. Известно, что были изобретены и получили широкое распространение – переход от естествен (лиман и кайр) ного способа орошения к искусственному способу орошения. 3. Изобретение системы вывода подземных грунтовых вод, предохранявший процесс засаливания плодородных почв. 4. Важнейшим достижением древнеферганского государства, направленной на быстрое развитие сельского хозяйства во всем регионе, стало создание масштабных ирригационных сооружений. В результате из

Карадарья был выведен канал Шахрихансай, а на его основе – Андижансай, позволившие освоить новые целинные земли в центральных и юго-западных районах долины. Однако, кроме этих двух крупных водных сооружений, на восточной части долины существовали десятки небольших каналов различной протяженности – от несколько 100 м до несколько 10 км (Береналиев, 1975, с. 149-157). Однако этот период был лишь первым этапом реформирования, поскольку переселение населения на новые земли привело к быстрому развитию процессов урбанизации посредством образования, сначала небольших деревень, а позднее крупных укрепленных поселений, крепостей и городов.

Следует отметить, что носители чувстской культуры эпохи поздней бронзы и раннежелезного века располагались вдоль естественных водоемов – рек Карадарья, Нарын и верховий Сырдарья, тогда как представители шурабашатской культуры, являвшихся их преемниками, расселялись не только в бассейне естественных водоемов, но и, в большинстве случаев, в ареале искусственных водных сооружений (Шахрихансай и Андижансай) и их веерных отводов.

По результатам археологических исследований, проведенных на памятниках, расположенных вдоль этих крупных искусственных каналов, отмечено, что поселения строились поэтапно в течение определенного хронологического периода времени, в зависимости от последовательных этапов строительства развязок каналов. Например, образование сельскохозяйственных районов с городскими центрами в верховьях каналов, хронологически соответствующие IV-III вв. до н.э. (Заднепровский, 1985, с. 306). В то время, как поселения в средней части Шахрихансая начали формироваться во II-I вв. до н.э., а урбанизация нижней части этого канала охватывает I-II вв. н.э., где зафиксированы такие города и поселения, как Каламыштепа и Мазортепа (Абдулгазиева, 1988, с. 138).

Ремесло. Археологические материалы и письменные источники свидетельствуют о наличии в регионе изучаемого периода различных ремесел, важнейшими из которых являются гончарное, железоделательное, текстильное, камнеобрабатывающее и другие. В представленной статье мы остановимся преимущественно на некоторых результатах анализов артефактов в гончарном деле и, отчасти, в других областях ремесел, выявленных при раскопках памятников предшествовавших и новых исследованиях. Практически все предыдущие исследователи древних ремесел долины давали сведения о ремесленных изделиях, выявленных в той или иной части региона. В то же время, об этой сфере деятельности упоминалось в ряде специальных научных работ ведущих фергановедов по отдельным направлениям региональных мастеров древности (Заднепровский, 1962, с. 130-144, 150-153; Литвинский, 1973а; Литвинский, 1973б; Баруздин, 1961, с. 51-54, 56-66; Гаврюшенко, 1970, с. 15-19; Горбунова, 1960, с. 93-94; Горбунова, 1981а, с. 40-41; Горбунова, 1981б, с. 178-183; Горбунова, 1990, с. 45-50; Горбунова, 1996, с. 72-92; Горбунова, 1999, с. 39-43; Салтовская, 1980, с. 195-207; Малтаев, Матбабаев, 2005, с. 66-69). Необходимо отметить, что каждая группа мастеров земледельческой и кочевой культур долины имели свое обособленное место и роль в области определенных ремесел. В связи с этим остановимся отдельно на своеобразии ремесленного производства этих культур, а также их сходстве.

По мере расширения маршрутов «Великого шелкового пути», проходящих через Ферганскую долину, и углубления международных связей государства Древняя Фергана

активизировало тесные торговые взаимоотношения со странами Восточного Туркестана (Синьцзян), Китаем и Индией, а также с другими соседними историко-культурными регионами (Литвинский, 1978, с. 99-100, 102-103,105; Баруздин, Подольский, 1961, с. 127-129). Развитие внешней торговли с различными странами, в свою очередь, послужило важнейшим фактором дальнейшего развития в различных направлениях ремесел.

Известно, что большую часть археологических артефактов, полученных в ходе полевых исследований, составляли образцы гончарного и кузнечного дела, ткачества и каменных изделий. В то же время, существовали ремесленники, изготавливавшие украшения, различные изделия из костей животных (украшения, части различного оружия, статуэтки, женская косметика и т. д.), деревянные изделия (древесные детали прясел, приборов для добывания огня, луков, стрел и копий), а также предметы быта из ивовых веток и камыша. В связи с этим на основании археологических данных можно констатировать, что поселения, специализировавшиеся на различных ремеслах – центры производства гончарных и железных изделий, расположенные на международных торговых путях, образовывали уникальные торговые центры – сезонные ярмарки. Одним из хорошо изученных центров ранней античности, с археологической точки зрения, являлось Султанабадское поселение гончаров, впервые зафиксированное в Андижанской области, а также поселение гончаров, процветавшее в поздней античности, представленный памятником Камолтепа. В этих поселениях зафиксировано множество остатков обжигательных горнов, вокруг которых сохранились различные сосуды, а также фрагменты и археологически целые сосуды, забракованные при их обжиге (Абдулгазиева, 1995, с. 41-46; Абдулгазиева, 2000, с. 12-16).

По археологическим данным, начиная с бронзового века, кочевники-скотоводы установили тесные связи с оседлыми жителями долины, процесс которого отмечался определенным влиянием земледельцев на их культуры, но, в свою очередь, некоторые элементы из орнамента сосудов кочевых племен отмечались на изделиях земледельческой культуры. Несомненно, влияние оседлых культур на кочевников было сильнее при создании керамических изделий и их эстетического оформления. В тоже время, археологически доказано, что кочевники, оставившие после себя преимущественно курганы (некрополи), также имели собственные приемы изготовления керамики, формы и росписи которых отражали их собственный образ жизни и символическую передачу философии кочевого мировоззрения (Абдуллаев, 2018, с. 30, 35).

Гончарство оседлой культуры. Ярким примером в этом отношении может служить поселение Султанабад, возникшее в контактной зоне между земледельцами и кочевыми племенами, образуя крупные торговые центры на перекрестке торговых путей. В представленной статье будут сделаны некоторые сопоставительные обобщения основных выводов предыдущих исследователей с результатами археологических исследований новых памятников. В статье представлен анализ артефактов, обнаруженных на памятниках Коштена-2 (2014-209 гг.), Султанабад-3 (2023 г.) и Султансупа (2024 г.) в Кургантепинском районе Андижанской области. Следует отметить, что в древности первоначально осваивались плодородные земли на восточной части долины (Ошский, Узгенский, Джалалабадский области Кыргызстана и Андижанская область Узбекистана). Также отметим, что ряд ремесленных традиций, формировавшиеся и последовательно развивавшиеся носителями чувствской раннеземледельческой культуры (I пол. XIV-VII вв. до н.э.) продолжались их последователями в последующей шурабашатской культуре (V/IV в. до

н.э. – II в. н.э.)². Данное наиболее ярко отразилось в производстве лепной расписной, а позднее и гончарной красноангобированной керамики, в последующем распространившийся по всей территории региона. На основе гончарных традиций чустской культуры гончары, упомянутой второй последующей земледельческой культуры, разработали приемы изготовления глиняных сосудов, сформировавшиеся на поздних этапах раннежелезного периода, имевшие развитие в эпоху античности и отчасти в раннем средневековье.

Хотя керамика шурабашатского типа была зафиксирована еще в 1954 году, она долгое время ускользала от внимания археологов. Лишь в 80-х и 90-х годах прошлого века памятники этой культуры стали фиксироваться не только в Узгенском районе и бассейнах р. Карадарья, где они были первоначально выявлены, но и в других соседних микрооазисах региона³. Возможно, по этой причине, место и роль шурабашатской культуры в концепции формирования древних культур Ферганы было осознано значительно позже. Ведь до 90-х годов XX века она даже не выходила из парадигмы определения «локальной культуры», что позволило отдельным исследователям включить ее как часть кугай-карабулакской культуры, сильно ограничивший период существования шурабашатской культуры (Горбунова, 1979б, с. 137; Горбунова, 1983, с. 26).

Последние результаты систематических исследований памятников шурабашатской культуры в южных районах Киргизии были представлены в первой пол. 80 годов прошлого столетия (Заднепровский, 1984, с. 33). Тем не менее, в 1970-1990-е годы на территории Узбекистана проводились небольшие археологические работы, результаты которых были представлены широкой научной общественности (Абдулгазиева, 1978, с. 145-158; Абдулгазиева, 1979, с. 105-106; Абдулгазиева, 1993, с. 20-29; Абдулгазиева, 2000, с. 12-16), указывавшие на своеобразие и обособленность данной культуры. В целом, эти последние исследования позволили заключить, что керамические комплексы, полученные в результате раскопок, проведенных на поселении Султанабад, отчетливо отличались от подобных изделий кугай-карабулакской культуры разнообразием форм и богатством росписи на внешней части сосудов, а также они демонстрировали возрастающую стандартизацию форм сосудов и направленность их производства для рынка.

В отличие от других поселений, принадлежащих шурабашатской культуре, жители Султанабада специализировались на производстве керамики. Необходимо отметить, что в поселении античного Султанабада не были зафиксированы горны для обжига сосудов, но во всех строительных горизонтах поселения были зафиксированы куски бракованной лепной и гончарной посуды. Подобные артефакты были также обнаружены при раскопках памятника Тепа-4, расположенного в 2 км западнее от Султанабада. Необходимо отметить, что самые разнообразные керамические сосуды имели хождение не только среди оседлых земледельцев, но и среди кочевого населения (Абдулгазиева, 2000, с. 14).

² Данная периодизация шурабашатской культуры является спорной и требует новых исследований (Абдуллаев, 2018, с. 5-6; Абдуллаев, 2023, с. 21).

³ В 2013 году на севере-западной части долины был обнаружен новый памятник Чильхуджра (Кыркхуджра) с керамическими комплексами, представленный как эйлатанский (Анарбаев и др., 2016, с. 24, 33, 35-36; Анарбаев и др., 2018, с. 23; Анарбаев, Максудов, Кубаев, 2016, с. 24, 105, 111). Однако, по нашему мнению, данная керамика соответствует шурабашатской культуре. Тем не менее, изучение таких памятников имеет важное значение в плане распространения шурабашатской культуры, а также взаимовлиянию ее носителей с представителями эйлатанского культуры.

В этом плане следует отметить, что в IV-III вв. до н.э. гончары шурабашатской культуры, вероятно, также изготавливали на заказ сосуды, использовавшиеся для определенных погребальных церемоний соседних кочевых племен. Так, к примеру, на большинстве лепных расписных сосудов, обнаруженных в могильнике Ханабад-1, расположенном в 7–8 км к востоку от поселения Султанабад, помимо узоров на сосудах, характерных для кочевников, во многих случаях выявлены и орнаменты, характерные для оседлой шурабашатской культуры (Абдуллаев, 2023, с. 25-26).

Согласно всей приведенной выше информации, поселения наподобие Султанабада способствовали увеличению масштабов внутренней торговли на восточном и юго-восточном маршрутах Великого шелкового пути, становясь обособленным звеном в экономических взаимоотношениях между западными и восточными странами. Поскольку, производимые здесь лепные и станковые керамические изделия имели высокий статус не только внутри земледельческих микрооазисов, но и за их пределами. По результатам сопоставительного анализа керамических материалов в ряде археологических исследований зафиксировано об установлении торговых связей гончаров долины с Чачем, Согдом, Китаем, Ираном и странами восточного Средиземноморья. Особенно часто красноангобированная посуда и тонкостенная станковая керамика шурабашатской культуры выявлялись на античных памятниках соседних историко-культурных регионах (Филанович, 1983, с. 51).

Согласно китайским летописям, в древнеферганском государстве также были высоко развиты ремесла в области торевтики – изделия из драгоценных металлов (Бичурин, 1950, с. 162). Несмотря на факт, что обнаружение подобных предметов при археологических раскопках – явление весьма редкое, тем не менее, косвенные данные подтверждают существование столь ценных сосудов. Так, например, в ходе археологических раскопок, проведенных автором в 2015-2016 гг. в составе узбекско-китайской экспедиции на памятнике Мингтепа, были обнаружены две целые чаши, изготовленные в подражании золотым и серебряным сосудам. Последнее опосредованно подтверждает не только то, что древние гончары умели изготавливать уникальные тонкостенные керамические изделия в таких цветовых ракурсах, имитировавшие золотые и серебряные сосуды, но и факт наличия в древней Фергане мастеров-торевтов, отливавших изделия из драгоценных металлов.

В то же время, среди многочисленных археологических памятников шурабашатской культуры, расположенных в регионе, зафиксированы прясла различных размеров, преимущественно из керамики, частично из камня и реже из металла. Эти керамические прясла обычно были покрыты красным ангобом и имели форму биконуса, но встречались также прясла из необожженной глины и неокрашенные, а также из галек. Результаты ряда исследований показывают, что для прядения пряжи из различных видов сырья (хлопка, шелка, шерсти, льна) использовались прясла разного веса и размеров. Следовательно, появление прясел с различным диаметром и весом, исходя из материала их изготовления, могли свидетельствовать не только о развитии, но и расширения специализации в ткачестве. Также ко времени поздней античности в текстильном секторе ремесел было разработано несколько способов изготовления марли из пряжи (Литвинский, 1978, с. 41, 42).

Отметим также, что анализ следов ткани, сохранившихся в стенках сосудов, показывает, что в этом направлении данного ремесла, мастерами использовались как

простые, так и сложные способы прядения, разрабатывались разные виды тканей, приведшие текстильную отрасль изучаемого периода до уровня одной из важных профессий в долине.

Среди предметов из камня на поселениях, относящихся к земледельческой культуре (зернотерка, точила, подпятник, серп и др.), наиболее распространенными являлись зернотерки, изготовленные из речных галек среднего и крупного размеров (Абдуллаев, 2016, с. 44-45, рис. 32, 34). Несмотря на то, что основная функция зернотерок была направлена на измельчение зерновых продуктов, тем не менее, археологически выявлены многочисленные факты использования ими гончарами для размельчения различных минералов с целью получения палитры природных красок, применявшихся в ангобировании стенок сосудов (Абдуллаев, Алмазова, 2005, с. 22; Абдулгазиева, 2012, с. 151).

Несомненно, важную роль в развитие античной Ферганы внесли и такие сферы ремесла, как железоделательное (различные виды военного снаряжения, орудий труда, и украшений), воплотивший в себе статусную марку. В тоже время, в ювелирном деле, совмещались различные материалы, при изготовлении всевозможных украшений и туалетных принадлежностей (Абдуллаев, 2016, с. 44-45, рис. 32, 34).

Все вышеприведенное позволяет заключить, что в Фергане эпохи античности происходило резкое развитие в различных областях ремесел, связанных с деятельностью оседлых культур древности.

Ремесленные достижения кочевников. Для более контрастного освещения данной тематики следует, наряду с проведением критического анализа выводов предшествовавших исследователей, представить обобщенные результаты изучения артефактов из новых памятников кочевых культур античной Ферганы. Отметим, что одним из важных полевых исследований 2020-2023 годов, связанных с восточным вариантом курганных захоронений эйлатанской культуры в Андижанской области – памятником Ханабад-1, датируемый кон. IV-II вв. до н.э. Из данного могильника был получен ряд находок, отличавшиеся от подобных из известных курганных захоронений эйлатанской культуры на западных и юго-западных частях долины, как по численности, так и по качеству сопроводительных керамических инвентарей погребенных. Поэтому мы сочли целесообразным представить результаты сравнительного анализа этих артефактов с ремесленными изделиями, зафиксированными в других археологических объектах региона.

В результате наших археологических исследований, проведенных на памятнике Ханабад-1, комплекс лепной расписной керамики характеризовался богатством узоров, отличающихся от подобных сосудов, обнаруженных в захоронениях, гораздо ранее изученных памятников, как могильники Актам, Суфан и Кунгай (Абдуллаев, 2024, с. 26, рис. 1). Поскольку в орнаментации их погребальных сосудов, в частности, помимо типичных для традиционных кочевников узоров – рядов треугольников, почти на стенках каждого сопроводительного инвентаря зафиксированы горизонтально расположенные ряды ромбов, заполненные уникальными геометрическими формами, нередко дополненные растительными сюжетами, соответствующие земледельческим культурам. В целом, сопроводительный инвентарь могильника Ханабад-1 представлен керамическими материалами лепных расписных сосудов и, частично, без росписи, а также станковыми изделиями.

Первая и вторая группы керамики состояли из полусферических чаш и мисок, в основном изготовленных на «матерчатом шаблоне». Высота сосудов 1-го типа составляла 6-8 см, при диаметре венчика 16-21 см, а керамика 2-го типа имела 9-11 см и 22-26 см соответственно. Необходимо отметить, что в ходе полевых раскопок на памятнике Ханабад-1 выявлены также редкие экземпляры лепных расписных сосудов, представленные одним археологически целым двуручным кувшином, со сливом, расположенным на одной из ручек и две маленькие чашечки. Характеристика и сопоставительный анализ небольших чашек, со своеобразной орнаментацией уже представлены в нашей предшествовавшей статье (Абдуллаев, 2023, с. 25, рис. 3), поэтому перейдем к описанию, нехарактерной для кочевых культур, лепного расписного кувшина. При реставрации этого кувшина, мы исходили, что для кочевников был более характерен сосуд с одной плоской стороной – фляга, имевший, обычно, две ручки у венчика, для закрепления его на боку лошади. Однако, при всей схожести верхней части сосуда, его тулово имело четкие изгибы, придававшие ему округлую форму. Отреставрированный кувшин получил округлое тулово с уплощенным дном, не высокой горловиной и венчиком, обхваченной двумя ручками как на фляге, но со сливом на одной из ручек, что подчеркивал обособленность изделия. Кувшин имел в высоту 27,5 см, диаметр венчика и дна составляли 8 и 11,5 см соответственно, при наибольшем диаметре тулова 28 см. Следует отметить, что найденная в Ханабаде обеих приведенных типов (чашечки и кувшин с округлым туловом) являются уникальной новинкой, поскольку не отмечены ни на одном из ранее исследованных памятниках, оставленных носителями эйлатанской культуры. Существует большая вероятность того, что подобное положение дел связано с фактом расположения могильника на востоке региона, подразумевавшее сильное влияние земледельческой шурабашатской культуры.

Необходимо отметить, что при вскрытии верхних слоев могильника, состоявших из двух галечных покрытий и промежуточного слоя грунта, выложенных поверх овальных могильных ям, было обнаружено большое количество фрагментов лепной и лепной расписной керамики. Данное положение фиксировалось и во время раскопок на памятниках Актам, Суфан и Кунгай (Горбунова, 1961, с. 190, 192). Происхождение последних, по нашему мнению, было связано с традицией захоронения в эйлатанской культуре, где, в процессе поминальной трапезы, использованные сосуды должны были разбиваться. Также, как мы полагаем, в эйлатанской культуре погребальные сосуды, будь то сопроводительными инвентарями усопшего или специальные для поминальной трапезы, не должны были выходить за границы могильника. Поминальные сосуды, как показывает практика раскопок, разбивались после завершения трапезы, поэтому среди каменной насыпи курганов выявлено большое количество фрагментов лепной расписной керамики. В случае, когда идет речь о целых сосудах, оставляемых возле погребенного, на них действовало сильное «Табу», запрещавшее пользование ими живыми людям. Данное имеет косвенное подтверждение наличием следующего факта: зафиксировано несколько ограбленных, еще в древности, могил, с очень добротной сохранившимися сопроводительными сосудами, но все они были аккуратно оставлены древними грабителями на своих местах.

Орнаменты на стенках керамического комплекса Ханабад-1 наносились темно-красным или темно-коричневым цветом поверх светло-коричневого или светло-красного фона. Преимущественно орнаментация не распространялась лишь на донные части сосудов. При этом в орнаментации ханабадской керамики помимо узоров, типичных для кочевников,

использовались элементы, принадлежащие земледельческим культурам. Основной мотив орнаментального оформления сосудов, найденных в Ханабаде, представлены в виде горизонтальных рядов треугольников под венчиком, сплошь залитых или наполненных кривой сеткой, а по середине тулова горизонтальных рядов, соединенных между собой ромбов или, в редких случаях, треугольников, заполненных различными геометрическими и растительными фигурами. Подобная орнаментация ритуально-погребальных сосудов, как мы полагаем, были навеяны религиозными представлениями кочевников и земледельцев Восточной Ферганы раннеантичного периода (Абдуллаев, 2023, с. 25-26).

Следует отметить, что часть керамики кочевников данного периода, представлены лепными сосудами, а другая – изделиями, изготовленными на гончарном станке, имевшие тенденцию постепенного увеличения, по отношению к лепным. Тем не менее, большая часть погребальной посуды изготавливалась вручную, почти до рубежа нашей эры. Однако, как было показано выше, почти во всех могильниках эйлатанской культуры, со втор. пол. I тыс. до н.э., в качестве сопроводительного инвентаря, наряду с лепными расписными чашами, использовались и станковые сосуды.

В процессе археологических исследований памятников носителей кочевого образа жизни, представленные преимущественно могильниками, было обнаружено достаточное количество фрагментов сосудов, изготовленных на матерчатых шаблонах, а также различных типов прясел позволяющие заключить, что и в кочевой среде ткачество имело определенное развитие. Однако, учитывая, что в этот период торговля имела особенное развитие, то можно предположить, что кочевники, за исключением шерстяных тканей, основную часть текстильной продукции, изготовленных из определенных сортов технических растений (хлопок, лен, шелк и т. д.), получали у ремесленников оседлого населения, посредством менового обмена в различные ярмарочные дни.

В этой связи можно привести следующий пример: на могильнике Карабулак (юго-западная часть долины – современная территория Кыргызстана), датируемый III-IV вв., в качестве сопроводительного инвентаря, наряду с керамическими материалами были выявлены и остатки тканей. Результаты анализа последних позволили его исследователям сделать вывод, что среди них были ткани из шелкового волокна, изготовленных двумя разными способами, а также ткани – из пяти видов шерстяных волокон шести различной толщины. Однако, говоря о шелковых тканях, следует отметить исследователей, отметивших четыре способа их изготовления в античный период (Баруздин, 1957, с. 102; Баруздин, 1961, с. 44, 45; Любо-Лесниченко, 1982, с. 48-49).

В ходе полевых исследований на памятниках (в основном могильники), оставленных кочевниками, довольно мало выявлены каменные зернотерки, в то время, как наиболее распространенными образцами материальной культуры в погребениях представлены украшения из различных металлов – шпильки и пряжки для ремней, различные снаряжения для лошадей и верховой езды, оружия и орудия труда, а также бусы из различных минералов и костей животных. Следует отметить, что изготовление некоторых изделий, среди каменных (точила, подпятник, серп и сурьматаш – туалетный прибор) артефактов, было подняты на высокий уровень художественного искусства. В этой связи следует отметить каменный сурьматаш из могильника Ханабад-1, приготовленный с особым утонченным изяществом. Этот артефакт разительно отличается от подобных туалетных приборов,

упрощенно изготовленных на первом этапе (VII-V вв. до н. э.) эйлатанской культуры (Горбунова, 1981, с. 179, рис. 37, 1-2).

Несомненно, совершенство ханабадского сурьматаша можно объяснить тем, что он изготавливался на последнем этапе этой культуры (IV-III вв. до н. э.). Однако, по нашему мнению, такое развитие в обработке камня соответствовало также расположению памятника Ханабад-1 на восточной части долины. Именно в этой части региона издревле зарождались и имели преемственное развитие древние земледельческие культуры, с каждым этапом развития которых все более усовершенствовались различные сферы ремесла. Необходимо также отметить, что такому совершенству мастерства ремесленников способствовало формирование и укрепление централизованной государственности, созданной на основании смешения эйлатанской и шурабашатской культур. Вышеприведенные сведения показывают, насколько внутренняя политика древнеферганского государства сумела увеличить поступления в казну, позволявшие усилить могущество власти и администрации на местах. Последняя, в свою очередь, создавала основу для развития аристократического сословия, потребности которой, не в последнюю очередь, могла стимулировать узконаправленную специализацию в различных сферах ремесла.

Заключение

Таким образом, согласно изложенным выше сведениям, мощное развитие древнего ремесленного сектора региона связано с формированием и развитием централизованного государства Фергана (Давань), в результате усиления политического влияния кочевых племен эйлатанской культуры на носителей оседлой шурабашатской культуры еще с эпохи раннего железного века. По нашему мнению, именно эти исторические предпосылки позволили созданию династии правителей, представленные китайскими летописями «Даваньской» и правившей почти тысячу лет. На историческую сцену эта династия возшла в сер. I тыс. до н.э. и ликвидирована в 485 году нашей эры (Бичурин, 1950, с. 260). Конечно, тот факт, что регион был окружен горами со всех сторон и имел естественную защиту, вероятно, отгораживал его от вторжения таких великих империй древности, как Ахеменидская и Македонская. Однако немалую роль здесь сыграла рациональная внутренняя и внешняя политика государства Фергана, обозначенная также строительством крупных ирригационных сооружений для расширения посевных площадей. В то же время, исторические государства и царства, расположенные на западе от централизованного древнеферганского государства, являлись его близкими союзниками вплоть до сер. I тыс. н.э. В то время, как основная угроза военного вторжения находилась на востоке, усилившийся особенно после войн между Китаем и Ферганскими государствами на рубеже II-I вв. до н.э.

Также, с самого начала образования централизованного государства Фергана, она направила всю мощь внутренней политики на увеличение государственной казны, посредством освоения новых целинных земель, расположенных в засушливых степных территориях центральной и юго-западной частей региона. Подобные, но незначительные мероприятия по освоению новых земель археологически зафиксировано еще при исследованиях памятников, оставленных носителями ранней земледельческой чустской культуры и продолженные земледельцами шурабашатской культуры. Для этого необходимо было усовершенствовать идею искусственных каналов, впервые сформировавшаяся в

чустской культуре, а затем развития ее носителями шурабашатской культуры. Вышеупомянутые земледельческие культуры открыли первые небольшие оросительные каналы, отводившиеся из горных рек или соединявшие истоки многочисленных родников в предгорьях на востоке долины (современные Ошская, Джелалабадская и Узгенская области Кыргызстана). Однако, при всей интенсификации развития древнего земледелия, такие открытия позволяли создавать лишь небольшие водные сооружения – от нескольких 100 метров до нескольких километров, охватывавшие ограниченное число полей в различных микрооазисах.

Основная суть революционности внутренней политике центрального государства заключалась во внедрении в жизнь новаторских идей древних земледельцев в масштабах всей страны. Например, канал Шахрихансай имел протяженность в 120 км, а Андижансай – 60 км и, по своим размерам, соответствовали большим и средним рекам долины (Ильин, 1959, с. 103). В то же время, эти искусственные водные сооружения, в отличие от современных каналов, имели не прямой проток, а зигзагообразный – типа «змеиного следа», по форме напоминающие естественные реки. Несомненно, сооружение подобных каналов не могло быть одновременным или сезонным и охватывало хронологически достаточно большое время, но данное мероприятие не ограничивалось лишь прорытием каналов, так как, параллельно с ним, создавался целый ряд инфраструктур, связанных с контролем протока воды и последовательного ее распределения.

Вместе с этим, шли процессы совершенствования контроля и фиксации новых переселенцев, имевшие тенденцию к увеличению. Не в последнюю очередь, происходили усовершенствование и переформирование представительства централизованной власти на местах, непосредственно связанных с фискальной деятельностью и упорядочением налоговых поступлений в казну. Последнее связано со сменой статуса местной администрацией, рассредоточенных по укрепленным поселениям, построенных еще до начала или в процессе строительства крупномасштабных каналов, на расстоянии между каждыми из них в 1,2-3 км. Конечно, подобные амбициозные государственные проекты планировались с использованием довольно большого количества человеческих и материальных ресурсов, подразумевавшие масштабное регулирование для обеспечения большого количество рабочих необходимыми инструментами и продуктами питания, а также управления строительными процессами на местах. По мере завершения определенных этапов Шахрихансая и Андижансая, на месте временных укрепленных поселений возводились замки, указывающие на смену статуса местной администрацией, отмеченное выше.

Согласно нашим последним исследованиям, водные объекты не только приносили финансовую выгоду центральному государству, получаемое через налоговые поступления с новых пахотных земель, но и через фискальные операции с внутренней и внешней торговли на местах. Последнее связано с постепенным образованием ряда ответвлений Великого шелкового пути и пересекавшимися с государственными объектами, расположенных в бассейнах новых каналов. В результате этих социально-экономических процессов, вблизи указанных замков стали формироваться различные ярмарки. Все вышеприведенное позволяет заключить, что строительство двух крупных водных сооружений ускорило не только бурное развитие сельского хозяйства, но и поднятие на новый уровень развития ремесла и торговли, а также процессов градостроительства и урбанизации.

Говоря о развитии гончарного ремесла оседлых и кочевнических культур на первом этапе античности (IV-I вв. до н.э.), необходимо отметить последовательное внедрения такого нововведения, как гончарный круг. По мнению исследователей, первоначально гончарный круг проник в регион благодаря миграциям кочевой эйлатанской культуры, и только затем появился и получил быстрое развитие у гончаров земледельческой культуры шурабашат. Благодаря развитию внутренней и внешней торговли в регионе, посредством указанной политики централизованного государства, древние центры гончарного ремесла получили огромный стимул для перехода от производства для жителей поселений к удовлетворению потребностей рынка. Последнее привело к стандартизации керамических сосудов, а также увеличению количества выпускаемой продукции и совершенствованию гончарного дела, в целом. В результате развития новых «брендов», связанных с широким производством станковой посуды, наряду с изготовлением лепных расписных керамических изделий, они все больше и больше начали использоваться и для погребальных обрядов, в качестве сопроводительного инвентаря захороненного. Данная тенденция усиления количественного превосходства производства явственно отмечается на памятниках второй половины античности Ферганы.

Следует отметить, что, хотя керамический сосуд, изготовленный на гончарном круге, впервые зафиксирован в кочевой эйлатанской культуре, тем не менее широкое использование и развитие данной технологии принадлежит гончарам земледельческой шурабашатской культуры. В этом плане необходимо также отметить, что формирование и широкое распространение красноангобириванной станковой керамики, ставшей статусным изделием и «визитной карточкой» античной Ферганы, принадлежало гончарным центрам носителей шурабашатской культуры. Возможно, по этой причине в погребениях кочевых племен второго этапа античности, являвшихся продолжателями традиций эйлатанской культуры, в качестве сопроводительного инвентаря, захороненного использовались, в основном, сосуды из красноангобириванной станковой керамики.

Все выше представленные сведения позволяют утверждать, что интенсивное развитие гончарного ремесла и, в особенности, красноангобириванной станковой керамики на последнем этапе античности (I-IV вв.), привели к широкому распространению последнего по всей долине и соседним историко-культурным регионам.

В заключении можно констатировать, что любые изобретения, появлявшиеся в истории человечества, могли произвести по-настоящему революционные изменения в развитии общества лишь тогда, когда они кратно масштабировались посредством государственных реформ. По сути, для аристократии кочевой эйлатанской культуры, создавшей Древнеферганскую централизованную государственность, возможно, были чужды новшества и изобретения в различных сферах жизни у носителей земледельческих культур, однако государственная безопасность во всех его аспектах приводила не просто к соглашению с последними, но и брать их на вооружении, при проведении конкретных направлений внутренней и внешней политики. История такого симбиоза кочевых и земледельческих культур оказался более чем оправданным, следствие которого отразилось всплеском экономического развития и стремительными процессами урбанизации, позволившие династийному правлению данного государства в течение целого тысячелетия.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулгазиева, Б. (1978). Раскопки Сар-тепе. *История и археология Центральной Азии*. Ашхабад: Илм.
2. Абдулгазиева, Б. (1979). К изучению памятников Восточной Ферганы. *Античная культура Центральной Азии и Казахстана*. (с. 105-106). Ташкент: Фан.
3. Абдулгазиева, Б. (1986). “Раскопки на городище Кургантепе”. *История материальной культуры Узбекистана*, № 20, сс. 60-68. Ташкент: Фан.
4. Абдулгазиева, Б. (1988). *Восточная Фергана в древности и раннем средневековье*: Автореф. дисс... канд. истор. наук. Самарканд: ИА АН РУз.
5. Абдулгазиева, Б. (1995). “Керамика поселения гончаров Камолтепа”. *ОНУ*, вып. 5-8, сс. 41-46. Ташкент: Фан.
6. Абдулгазиева, Б. (2000). “Исследования поселения Султанабад”. *Материалы Международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.В. Шишкиной «Средняя Азия. Археология. История. Культура»* (с. 12-16). Москва.
7. Абдулгазиева, Б. (2004). К изучению структуры древних городов Ферганы. *История материальной культуры Узбекистана* (с. 36-42). № 34. Ташкент.
8. Абдулгазиева, Б. (2012). “Внутренняя структура сельских поселений Ферганы эпохи раннего средневековья”. *История материальной культуры Узбекистана* (с. 142-162). Вып. 38. Самарканд.
9. Абдуллаев, Б.М. (2006). “Цитадели в оборонительной системе древней Ферганы”. *Вестник МИЦАИ*, № 3, сс. 7-14.
10. Абдуллаев, Б.М. (2007). *Возникновение и этапы развития фортификации Ферганы в древности и средневековье*: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Самарканд: ИА АН РУз.
11. Абдуллаев, Б.М. (2016). “Некоторые итоги раскопок 2014-2015 гг. на памятнике Коштепа-2”. *Археология Узбекистана*, № 1, сс. 13-22.
12. Абдуллаев, Б.М. (2018). “О преемственности погребального обряда эйлатанской культуры”. *Бюллетень МИЦАИ*, № 27, сс. 5-18.
13. Абдуллаев, Б.М. (2020). “Некоторые замечания по проблеме древнеферганского государства и его столицы”. *Бюллетень МИЦАИ*, № 30, сс. 91-100. DOI: 10.34920/1694-5794-2020-26
14. Абдуллаев, Б.М. (2023). “К проблеме эйлатанской культуры древней Ферганы”. *Бюллетень МИЦАИ*, № 35, сс. 19-35. <https://doi.org/10.34920/1694-5794-2023.35.002>
15. Абдуллаев, Б.М. (2024). “О преемственности погребального обряда Эйлатанской культуры”. *Археология Узбекистана*, № 1, сс. 23-39.
16. Абдуллаев, К., Алмазова Н. (2005). “Каменные орудия античной эпохи на примере Паёнкурғана”. *Материалы по античной культуре Узбекистана*. Самарканд, С. 16-24.
17. Альбаум, Л.И. (1960). *Балалык-тепе*. Ташкент: АН РУз.
18. Анарбаев, А.А. (2016). “Қадимги Фарғона давлати ва унинг пойтахти тарихидан лавҳалар”. Р.Е. Шамсутдинов (Ред), *Водийнома* (с. 36-41). Тошкент.
19. Анарбаев, А.А., Баратов, С.Р., Саидов, М., Кубаев, С., Насриддинов, Ш. (2016). “Археологические исследования городища Чильхуджра в 2013 году”. А.Э. Бердимуратов (Ред.). *Археологические исследования в Узбекистане – 2013-2014 год* (с. 23-36). Вып. 10. Самарканд.

20. Анарбаев А., Максудов Ф., Кубаев С. (2016). “Чильхуджра (Кыркхуджра) – руины древнего города Северо-Западной Ферганы”. А.Э. Бердимуратов (Ред.). *История материальной культуры Узбекистана* (сс. 89-113). Вып.39. Самарканд: Институт археологии АН РУз.
21. Анарбаев, А., Максудов, Ф., Кубаев, С., Насриддинов, Ш. (2018). “Археологические исследования на памятнике Кыркхуджра в 2016 году”. *Археология Узбекистана* № 1, сс. 21-24.
22. Барбаро, Даниеле. (1938). *Комментарий к десяти книгам об архитектуре Витрувия: с приложением трактата Джузеппе Сальвиати о способе точного вычерчивания ионийской волюты.* (Пер. А.И. Венедиктова, В.П. Зубова, Ф.А. Петровского). Москва: Изд-во Всесоюзной акад. архитектуры, 478 с.
23. Баруздин, Ю.Д. (1957). “Карабулакский могильник”. А. Д. Удальцов (Ред.). *КСИЭ* (сс. 98-103). Вып. XXVI. Москва: Изд-во Академия наук СССР.
24. Баруздин, Ю.Д. (1961). “Карабулакский могильник”. *Известия Академии наук Киргизской ССР.* Сер.: Общественные науки (сс. 43-81), т. 3, вып. 3. Фрунзе: Илим.
25. Баруздин, Ю.Д., Подольский, А.Г. “Бронзовая женская статуэтка из Кара-Булакского могильника”. Т.С. Пассек (Ред.). *КСИА* (сс.127-129), вып. 85. Москва: Изд-во Академия наук СССР.
26. Бернштам, А.Н. (1948). “Араванские наскальные изображения и Даванская (Ферганская) столица Эрши”. *СЭ*, № 4, сс. 155-161.
27. Бернштам, А.Н. (1952). “Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая”. *МИА*, № 26. Москва-Ленинград: Академия наук СССР.
28. Береналиев, Б.О. (1975). “Следы древней ирригации Киргизии”. Б. Д. Джамгерчинов (Ред.). *Страницы истории и материальной культуры Киргизстана* (сс. 148-158). Фрунзе: Илим.
29. Бичурин, Н.Я. (1950). *Собрание сведений о народах, обитавших в Центральной Азии в древние времена.* С.П. Толстов. (Ред.). Т. II. Москва-Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 335 с.
30. Воронина, В.Л. (1950). “Изучение архитектуры древнего Пенджикента”. *МИА* (сс. 189-198), вып. 15. Москва-Ленинград: Изд-во Академия наук СССР.
31. Воронина, В.Л. (1959). “Раннесредневековый город Центральной Азии”. *СА*, № 1, сс. 84-104. Москва: Изд-во Академия наук СССР.
32. Воронина В.Л. (1960). Доисламские культовые сооружения Центральной Азии. *СА*, № 2, сс. 42-55. Москва: Изд-во Академия наук СССР.
33. Гаврюшенко, П.П. (1970). *Кулунчакское укрепленное поселение:* Автореф. ... канд. ист. наук. Ташкент, 27 с.
34. Горбунова, Н.Г. (1960). “Роговая пластинка из Ак-Тамского могильника”. Т.С. Пассек. (Ред.). *КСИИМК* (сс. 93-94), вып. 80. Москва: Изд-во Академия наук СССР.
35. Горбунова, Н.Г. (1977). “Поселения Ферганы первых веков нашей эры: Некоторые итоги исследований”. *СА*, № 3, сс. 107-120. Москва: Наука.
36. Горбунова, Н.Г. (1979а). “Итоги исследования археологических памятников Ферганской области (К истории культуры Ферганы)”. *СА*, № 3, сс. 16-34. Москва: Наука.

37. Горбунова, Н.Г. (1979б). “Керамика поселений Ферганы первых веков н.э”. *ТГЭ*, т. 20, сс. 114-146. Москва: Наука.
38. Горбунова, Н.Г. (1981а). “Бронзовые зеркала кугайско-карабулакской культуры: К вопросу о культурных связях Ферганы II в. до н.э. – VI в. н.э”. Материалы конф. «*Культурные взаимосвязи народов Центральной Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье*» (сс. 40-41). Москва: Наука.
39. Горбунова, Н.Г. (1981б). “Древний ферганский косметический прибор”. Н.А. Кукушкин (Ред.). *Культура и искусство Хорезма* (сс. 178-183). Москва: Наука.
40. Горбунова, Н.Г. (1983). “Кугайско-карабулакская культура Ферганы”. *СА*, № 3, сс. 23-46. Москва: Наука.
41. Горбунова, Н.Г. (1990). “Бронзовые зеркала кугайско-карабулакской культуры Ферганы”. Лесков А.М. и Ставиский Б.Я. (Ред.). *Культурные связи народов Центральной Азии и Кавказа: Древность и средневековье* (сс. 45-50). Москва: Наука.
42. Горбунова, Н.Г. (1996). “Женские украшения кугайско-карабулакской культуры Ферганы”. К.К.Ташбаева (Ред.). *Древний и средневековый Кыргызстан* (сс. 77-92). Бишкек: Мурас.
43. Горбунова, Н.Г. (1999). “Еще раз о Кара-Булакском могильнике. В.М. Массон” (Ред.). *Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Ош: 3000 и культурное наследие народов Кыргызстана* (сс. 38-44), вып. 2. Бишкек: Мурас.
44. Горбунова Н.Г., Оболдуева Т.Г. (2002). “Городище Каламыш-тепе в Фергане”. Горбунова Н.Г. (Ред.). *Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина* (сс. 166-172). Санкт-Петербург: ГосЭрмитаж.
45. Давидович, Е.А. (1958). “Раскопки замка Калаи-боло”. *МИА* (сс. 72-103). № 66. Москва: Изд-во Академия наук СССР.
46. Заднепровский, Ю.А. (1973). “Типология и динамика развития городских поселений древней Ферганы”. *Тезисы докладов «Древний город Центральной Азии»* (сс. 17-20). Ленинград.
47. Заднепровский, Ю.А. (1984). “Раннежелезный век Ферганы и проблема возникновения Даваньского государства”. *ТД Международного симпозиума «Раннежелезный век Центральной Азии и Индии»* (сс. 31-33). Ашхабад.
48. Заднепровский, Ю.А., Матбабаев, Б.Х. (1991). “Городище Мархамат (некоторые итоги изучения)”. *История материальной культуры Узбекистана*, (сс. 62-72), вып. 25. Ташкент: АН РУз.
49. Иванов, Г.П. (1988). “Кашкарчинский могильник – новый памятник эпохи поздней бронзы в Фергане”. *ОНУ* (сс. 44-47). Вып.10. Ташкент: Фан.
50. Ильин, И.А. (1959). “Водные ресурсы Ферганской долины”. В.Л. Шульц (Ред.). Ленинград: Гидрометиздат.
51. Кадыров, Э.Б. (1975). *Древние погребальные памятники Ферганы как исторический источник*: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ташкент: АН УзССР, 22 с.
52. Козенкова, В.И. (1959). “Археологические работы Андижанского областного краеведческого музея в 1956 г”. Т.С. Пассек (Ред.). *КСИИМК* (сс. 56-62), вып.76. Москва: Академия наук СССР.
53. Кюнер, Н.В. (1961). *Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока*. Москва: Изд-во вост.лит.

54. Латынин, Б.А. (1956). “Вопросы истории ирригации древней Ферганы”. Т.С. Пассек (Ред.). *КСИИМК* (сс. 56-62), вып. 64. Москва: Академия наук СССР.
55. Латынин, Б.А. (1961). “Некоторые итоги работы Ферганской экспедиции 1934 р”. *АСГЭ* (сс. 49-55), вып. 3. Москва, Ленинград: Академия наук СССР.
56. Левина, В.А. (1949). “Стена и башня «Старой Нисы» (Археологические вскрытия 1946 г.)”. *ТЮТАКЭ* (сс. 133-146), т. I. Ашхабат: Изд-во Туркмен ФАН СССР.
57. Литвинский, Б.А. (1973а). *Керамика из могильников западной Ферганы (Первое тысячелетие н. э.)*. Вып. II. Москва: Наука.
58. Литвинский, Б.А. (1973б). *Украшения из могильников западной Ферганы*. Вып. III. Москва: Наука.
59. Литвинский, Б.А. (1978). *Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы*. Вып. IV. Москва: Наука.
60. Лубо-Лесниченко, Е.И. (1982). “Тканые узоры”. В.М. Массон (Ред.). *По следам памятников истории и культуры народов Киргизстана* (сс. 48-53). Фрунзе: Илим.
61. Мандельштам, А.М. (1964). “К истории Бактрии-Тохаристана”. *КСИА*, (сс. 23-29). Вып. 98. Москва: Изд-во АН СССР.
62. Массон, М.Е. (1976). *Из воспоминаний среднеазиатского археолога*. Ташкент: Изд-во Г. Гуляма, 176 с.
63. Малтаев, К.Ж., Матбабаев, Б.Х. (2005). “Новые данные о памятниках античного времени в Восточной Фергане”. *Материалы по античной культуре Узбекистана* (сс. 66-69). Самарканд.
64. Матбабаев, Б.Х. (2001). “Древнеферганское государство Давань”. Д.А. Алимова, Э.В. Ртвеладзе (Ред.). *Очерки по истории государственности Узбекистана* (сс. 25-38). Ташкент: Шарк.
65. Матбабаев, Б.Х. (2009). “Ферганское государство Давань”. Э.В. Ртвеладзе (Ред.). *История государственности Узбекистана (вторая пол. II тыс. до н. э. – III в. н. э.)*. (сс. 185-193). Ташкент.
66. Матбобоев, Б. Х. (2012). “Яна Давань подшолиги шаҳарлари хақида”. *Фарғона водийси тарихи янги тадқиқотларда* (бб. 11-16). Фарғона.
67. Матбабаев, Б.Х., Абдуллаев, Б.М. (2011). *Оборонительные сооружения древней Ферганы (кон. II тыс. до н.э. – пер.пол. I тыс. н.э.)*. Ташкент: “Экстремум пресс”, 176 с.
68. Матбабаев, Б.Х., Янгши, Ж., Исамиддинов, М.Х., Тао, Л., Абдуллаев, Б.М., Хошимов, Х., Алохунов, А., Рахмонов, З. (2015). “Археологические исследования Узбекско-Китайской Ферганской экспедиции на городище Мингтепа”. А.Э. Бердимуратов (Ред.). *Археологические исследования в Узбекистане* (сс. 193-196), вып. 10. Самарканд.
69. Матбобоев, Б. Х., Янши, Ж. (2016). “Қадимги Фарғона (Давань) давлати ва Мингтепа”. Респ. конф. материаллари «Ўзбекистон тарихининг долзарб муаммолари» (бб. 11-17). Андижон.
70. Нильсен, В.И. (1966). *Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V-VIII вв.)* Ташкент: Наука.
71. Оболдуевац Т.Г. (1951). “Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции Большого Ферганского канала им. И.В. Сталина”. Р.Х. Аминова (Ред.). *ТИИА АН УзССР* (сс. 29-32). Т. IV. Ташкент: Ин-т истории и археологии.

72. Пугаченкова, Г.А. (1952). “Парфянские крепости Южного Туркменистана”. *ВДИ* (с. 215-225). № 2. Москва: Изд-во АН СССР.
73. Пугаченкова, Г.А. (1958). “Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма”. *ТЮТАКЭ*, т. 6. Москва: Изд-во АН СССР, 492 с.
74. Рахманов, З., Абдуллаев, Б., Хомиджонова, М. (2018). “Қуюлтепада 2017 йилда олиб борилган тадқиқотлар хисоботи”. А.Э. Бердимуратов (Ред.). *Археологические исследования в Узбекистане – 2017 год* (с. 225-230). Вып. 11. Самарканд.
75. Салтовская, Е.Д. (1980). “Древние украшения из Ашта”. Б.И. Искандаров (Ред.). *Памяти Александра Александровича Семенова: Сб. статей по истории, археологии, этнографии и искусству Сред. Азии* (с. 195-207). Душанбе: Дониш.
76. Толстов, С.П. (1962). *По древним дельтам Окса и Яксарта*. Москва: Восточная литература, 224 с.
77. Туребеков, М. (1981). Оборонительные сооружения древних поселений и городов Согда (VII-VI вв. до н.э. – VII в. н.э.): Автореф. дисс... канд. ист. наук. Москва: МГУ. 23 с.
78. Филанович, М.И. (1983). *Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры*. Ташкент: Фан.
79. Ходжаниязов, Г. (1981). “История развития фортификации античного Хорезма”. *СА*, № 2, сс. 43-56. Москва: Наука.
80. Шигин, А.Е. (1984). “Сары-курган – крепость в Фергане”. *СА*, № 1, сс. 192-198. Москва: Наука.
81. Шишкин, В.А. (1963). *Варахша*. Москва: Изд-во АН СССР, 250 с.
82. Шишкина, Г.В. (1983). “Замок Бад-Асия в окрестностях Пайкенда”. *История материальной культуры Узбекистана* (с. 89-110), вып. 4. Ташкент.
83. Ходжаев, А. (2010). “Можно ли считать Эрши столицей древнего государства Фергана?” *O‘zbekiston tarixi*, № 2, сс. 63-73. Ташкент: Фан.
84. Francfort, H.-P. (2016). “How the twins met: Indus and Oxus Bronze Age Civilizations in Eastern Bactria. Shortughai revisited forty years later”. In *To the memory of Professor Victor Sarianidi*, (Transactions Of Margiana Archaeological Expedition, N. A. Dubova, E.V. Antonova, et al. (pp. 461-476), Moscou, N.N. Miklukho-Maklay Institute Of Ethnology And Anthropology Of Russian Academy Of Sciences, Altay State University.